

ББК 81.411.2-22
УДК 811.161.1

А.В. ПОПОВА

L.V. POPOVA

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТАТУС И ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ЧАСТИЦЫ-СВЯЗКИ ЭТО

THE GRAMMAR STATUS AND POLYFUNCTIONALITY OF THE LINK-PARTICLE ЭТО

В статье анализируется прагматическая, коммуникативная и логико-смысловая семантика связки *это*. Подчёркивается принципиальное различие функций глагольной и неглагольной связки в грамматической структуре предложения. Специфика связки *это* объясняется совмещением функций местоимения и частицы.

In the article pragmatic, communicative and logic-sensitive semantics of the link *это* is analyzed. The basic distinction of functions of a link-verb and non-link-verb in grammar structure of a sentence is emphasized. The specificity of the link *это* is explained by the combination of functions of a pronoun and a particle.

Ключевые слова: сказуемое, связка, частица-связка, полифункциональность, указательное значение, анафора, маркер сказуемого.

Key words: a predicate, a link, a link-particle, polyfunctionality, demonstrative meaning, anaphora, a marker of a predicate.

В системе связок именного сказуемого выделяют глагольные и неглагольные формы, определяя функцию последних как дополнительное указание на синтаксические отношения между главными членами предложения. Представленные словами различной морфологической природы, а также сочетаниями – *это, вот, как, вроде, точно, есть, суть, таков, значит, это и есть, не что иное* – эти элементы объединяются под названием «частицы-связки». При несомненной общности позиционных и логико-смысловых признаков глагольных и неглагольных связок необходимо различать их грамматическую роль в организации предложения. Только глагольная связка (с учётом её нулевой формы) является обязательным компонентом предложения с именным предикатом, поскольку именно она формирует грамматическую (предикативную) форму предложения и аналитическую конструкцию сказуемого. Данная функция определяет возникновение и развитие в русском языке категории связочного (вспомогательного) глагола.

Развитие связочных частиц отражает внутрисистемные отношения языковых единиц. Частицы-связки хотя и обнаруживают зоны пересечения с глагольными связками, но характеризуются функциональной и смысловой спецификой. Их преимущественное использование при нулевой форме связки *быть* говорит о том, что они восполняют недостающие функции соединения и актуализации компонентов предложения, однако это не означает, что частицы-связки функционально равнозначны связке *быть* или другим связочным глаголам. Слова неглагольной природы или слова, утратившие глагольные категории, используются как дополнительное средство связи, как компонент, представляющий «связочную реализацию» модели предложения. Принципиальное различие (а не дублирование) функций очевидно в случаях с эксплицитной глагольной связкой и частицей-связкой: *Взглянуть на неё ещё раз – вот было одно-единственное желание* (М. Зощенко); *Её отъезд был как побег* (Б. Пастернак).

Роль частиц-связок выявляется на речевом, а не на грамматическом уровне. Речевая определённая, прагматическая направленность служебных слов подчеркнута в их квалификации как «частиц речи» [2, с. 663]. Употребление в речи частиц-связок обусловлено коммуникативным устройством высказывания, дискурсом. «Частицы несут на себе весь максимум коммуникативного пласта высказывания. Они передают отношение к ситуации, отношение элементов текста друг к другу, отношения говорящих и отношение говорящего к той системе «общего фонда знаний», которая объединяет адресанта и адресата (адресатов). Таким образом, это слова максимально ответственные за удачу (*happy conditions*) общения» [3, с. 311].

Системно-функциональный подход позволяет рассматривать связочность как категорию – «катеорию копулятивности» [6, с. 162], реализуемую средствами разных уровней: интонацией, словоположением, морфологическими формами, служебными словами, неполнозначными словами. Однако грамматический подход требует чёткого разделения функций собственно связки (глагольной) и частиц-связок. Как и многие явления в языке, связки и связочные частицы имеют не только внутрисистемные связи, но и зоны пересечения с другими функционально-семантическими категориями. Каждая частица-связка заслуживает особого рассмотрения в аспекте её роли в смысловой и коммуникативной организации предложения. Предметом анализа данной статьи является одна из самых активных и стилистически универсальных связок – *это*, служебная роль которой во многом зависит от её вхождения в «указательное поле языка».

Местоимения обнаруживают признаки, сближающие их в одних отношениях со знаменательными словами, а в других – со служебными словами. Слово *это*, как и многие местоимения, характеризуется полифункциональностью, т.е. способностью обнаруживать признаки слов разных классов. В позиции между главными членами двусоставного предложения слово *это* совмещает признаки местоимения – заместителя члена предложения, служебного слова – показателя предикативных отношений, а также частицы – средства акцентного выделения. Связка *это*, хотя проявляет абстрактное, отвлеченное значение и служит «знаком» конструкции тождества, сохраняет и местоименные функции – функции отсылки и замещения.

В зависимости от контекстного окружения, порядка слов, а также линейно-интонационной структуры высказывания слово *это* может выступать в качестве подлежащего в двусоставном предложении (*Это было давно*), указательной частицы в глагольном и номинативном предложении (*Эта птица летит; Это мой дом*), связки между подлежащим и именным или инфинитивным сказуемым (*Глагол – это часть речи*). Однако в этом разнообразии синтаксических позиций прослеживается функциональная общность, обусловленная местоименной природой этого слова и в первую очередь его «языковым смыслом» (Н.Ю. Шведова).

Функциональная специфика местоимения *это* обусловлена указательным значением. Учитывая различие в способах указания – «наглядный дейксис, анафора и дейксис к воображаемому» [1, с. 75], заметим, что в функции связки слово *это* (как и другие указательные частицы-связки *вот, таков*) полностью отходит от наглядного дейксиса, ограниченного параметрами «здесь – сейчас». Наглядный дейксис для слова *это* проявляется в позиции указательной частицы или подлежащего, в том случае если говорящий непосредственно указывает на предмет. *Это кабинет. Это стол* или представляет лицо. *Это моя сестра Маша*. Являясь основой для связочного функционирования, собственно указательное значение переосмысливается в связочном употреблении, приобретая оттеночные значения, позволяющие слову *это* выступать в роли актуализирующего средства, конструктивного показателя. Переосмысление указательного значения частиц-связок состоит в том, что они указывают не на позиции предметов (явлений) в перцептивном пространстве, а на позиции в пространстве речи, в «речевом

потоке». По выражению К. Бюлера, «контекст речи сам возводится в ранг указательного поля» [1, с. 112].

Указательный смысл частицы-связки *это* проявляется в анафорической замене подлежащего, т. е. становясь служебным словом, *это* не утрачивает заместительной функции, характерной для местоименного слова. Различие в морфологическом и синтаксическом статусе этого слова (подлежащее или связка; местоимение или частица) формально определяется по местоположению антецедента. Так, если антецедент находится в предшествующем отдельном предложении, то *это* определяется как подлежащее: *Учитель гимназии вышел из сарая. Это был человек небольшого роста, толстый, совершенно лысый...* (А. Чехов). Если антецедент находится в этом же предложении, но позиционно и интонационно отделен от сказуемого, то *это* является частицей-связкой: *Самая простая примета – это дым костра* (К. Паустовский).

К сложным, переходным случаям относятся конструкции с именительным темой, в которых антецедент интонационно отделен от основного высказывания гораздо сильнее или даже сегментирован в отдельное высказывание: *А бахрома, это не Болезнь* (Т. Толстая); *Первое Марта – это уж совсем скоро. Это на носу* (Т. Толстая); *Седые волосы... Это пеплы сокровищ* (М. Цветаева). Слово *это* в таких конструкциях обычно рассматривается не как связка, а как местоимение-коррелят, соединяющий тематический именительный падеж и основное высказывание. Между тем, во всех указанных конструкциях *это* выполняет очень схожую функцию, которая сводится к анафоре, к выражению относительного дейксиса.

Эта же функция возможна и при глагольном сказуемом. Заметим, что, определяя местоимение *это* как частицу-связку, В.В. Виноградов приводит следующий пример «А что он не моется – это он с отчаянья» (Достоевский «Подросток»)» [2, с. 675]. В этом высказывании *это* не соединяет подлежащее и сказуемое, а отделяет тему и ремю высказывания. Как видим, служебная роль этого элемента не сводится только к употреблению в именном сказуемом. Приведённый пример принадлежит разговорной речи, в которой отмечается широкое употребление указательного местоимения или местоимения 3-го лица на границе темы и ремы. Ср. записи современной диалектной речи: *Клюква – та живёт каждый год; Семейные – те тут живут* (Арх. обл.).

Общность функций определяется тем, что во всех своих реализациях в независимой форме местоимение *это* выполняет указательно-заместительную функцию, отсылая или к предшествующему контексту (анафора), или к последующему тексту (катафора). Считаем, что слово *это* не утрачивает своей анафоричности и как показатель предикативных отношений (связка), оно в любом случае указывает на антецедент.

Форма этого местоимения обезличивает, обобщает все предметы, явления и события, в то же время указывая на определённую предметность, что способствует формированию конструкции тождества. Указательная семантика данного слова позволяет ему замещать широкий круг слов, словосочетаний и даже отдельных предикативных единиц.

Антецедентом может быть конкретный предмет, неодушевлённый или одушевлённый, индивидуальный, единичный или представленный как совокупность, класс. Е.В. Падучева видит назначение предложений со словом *это* с предметным антецедентом в том, чтобы «приписать одному объекту, взамен прежнего, другой концепт, названный в предикате» [4, с. 86], другими словами идентифицировать предмет. Высказывания идентификации характеризуются разнообразием с точки зрения референциальной характеристики компонентов, однако все они объединены одной целью – «дать возможность адресату речи точно локализовать референт первого компонента» [8, с. 193]. Связка *это* используется во всех разновидностях высказываний идентификации, привнося смысл определенности, точности (Н.Ю. Шведова):

Мы – это небольшая группа писателей, совершающих творческую поездку (В. Астафьев); *Анжер – это ворота в долину реки Луары* (В. Гаков). Конструкция со связкой *это* может иметь оценочно-характеризующее значение, если в качестве сказуемого используются широкозначные существительные с зависимым качественным компонентом: *Странная это штука, – думал Пронька, – алмазная трубка* (Ю. Коваль).

Подлежащее при связке *это* не сочетается с адъективным сказуемым, однако для разговорной речи характерно предикативное использование оценочного слова на *-о*: *Дачи и дачники – это так пошло, простите* (А. Чехов); *Корова – это хорошо, – согласился начальник* (В. Шукшин); *Рыжик или опёнок – это бы хорошо...* (Ю. Коваль). При этом обычно за антецедентом стоит не предмет, а отдельная пропозиция: *Завести корову – это хорошо. Найти рыжик или опёнок – это хорошо*. В подобных высказываниях чаще всего выражено отношение не к конкретному, а к обобщённому предмету. Обобщённости содействует и форма единственного числа существительного, указывающая на референцию к классу, и местоимение *это*: *Женщина или девушка на велосипеде – это ужасно!* (А. Чехов); *Не знаю, что такое курский соловей, – не слышал, но курский гусь – это фигура!* (В. Астафьев).

Антецедент может быть существительным отвлечённым, обозначающим понятие, свойство, чувство, состояние, действие, событие: *Язык человека – это его мировоззрение и его поведение* (Д. Лихачёв). *Красота – это свет правды, а тень красоты – это ложь* (М. Пришвин). Сказуемое имеет значение понятийного тождества, раскрывает сущность подлежащего. В таких конструкциях связка *это* синонимична частицам-связкам *есть, суть, значит, и есть*. Предикат при отвлечённых, событийных именах может быть представлен предикативной конструкцией: *Война – это когда нет папы...* (С. Алексиевич).

В конструкциях идентификации и понятийного тождества именные компоненты могут меняться синтаксическими ролями: *Красота – это свет правды. Свет правды – это красота*. В таких случаях значительно повышается прагматическая значимость связки *это*: она является маркером сказуемого. Обязательно (не грамматически, но прагматически) наличие связки *это* в предложениях, где два объекта связаны между собой отношениями эквивалентности: *Языкознание – это лингвистика. Лингвистика – это языкознание*. Слово *это*, отсылая к тематическому подлежащему, маркирует рематическое сказуемое. Сущность маркирования сказуемого состоит в том, что *это* семантически соотносится с подлежащим, совпадает с ним по объёму, поэтому компонент, находящийся после связки, всегда является сказуемым.

Антецедент может быть представлен инфинитивом, обозначающим потенциальное действие. Сказуемое при инфинитивном подлежащем всегда обладает оценочной семантикой: *Признаюсь, хоронить таких людей, как Беликов, это большое удовольствие* (А. Чехов); *Но купить рубашку – это ведь целое дело* (Е. Гришковец).

Местоименная связка *это* может отсылать и к отдельной предикативной единице, занимающей позицию подлежащего. В таком случае антецедентом является целая ситуация, а *это* – эквивалентом пропозиции: *Когда мы вышли в поле, это было что-то страшное* (С. Алексиевич).

В отличие от других указательных связок (*вот, таков*) частица-связка *это* может находиться в препозиции, отсылая к последующему тексту. В таких случаях местоимение проявляет катафорическое значение: *Какое это счастье – быть врачом, помогать страдальцам, служить народу* (А. Чехов); *Но, конечно, это была сплошная ерунда, то, что она меня к нему приревновала* (М. Зощенко). В препозитивной позиции связка *это* в большей степени проявляет местоименные признаки, её роль очень сближается с ролью подлежащего. «Русская грамматика» (1980) определяет подобные конструкции как особые, в которых тема (подлежащее) повторяется дважды – непосредственно перед ремой и после ремы [5, с. 288].

Служебная роль связки *это* не ограничивается заместительной функцией. Семантика указательности *это* не исчезает в анафоре, на её основе возникают дополнительные оттенки наглядности, представленности. В связочной позиции частица подчёркивает присутствие, наличие (в мыслительном пространстве) предмета (понятия, лица, явления), его определённости, несёт в себе смысл данности. «Определённость – есть данность, представленность, утверждение наличия, существования и, следовательно, познанныости: «знаю точно, что есть, существует» [7, с. 12] В этом смысле частица-связка *это* проявляет близость к модусу утверждения, она обслуживает значение истинности, сферу оценок или мнений о предметах. Связь с указательным жестом, точечность, сфокусированность может приносить экспрессивный оттенок безапелляционности, категоричности суждений и оценок: *Я – сын войны. Война – это я* (Е. Шварц); *Ты, Маша, глупая. Самая глупая в нашей семье – это ты* (А. Чехов); *Патриотизм – это любовь к своему народу. Национализм – это пренебрежение, неуважение, ненависть к другим народам* (Д. Лихачёв).

Связка *это* закреплена речевой практикой, дискурсивно маркирована. Не связанная с локальными и темпоральными условиями речевой ситуации, она способна формировать генерализованные высказывания; эта связка очень активна в афоризмах, научных определениях, объяснениях, выводах, обобщениях: *...Предложение это словесное, облечённое в грамматическое целое <>выражение психологической коммуникации* (А. Шахматов); *Понять вещь – это правильно её назвать* (Д. Лихачёв); *Годы детства – это прежде всего воспитание сердца* (В. Сухомлинский).

Являясь показателем отношений между субъектом и предикатом, *это* подчёркивает не только реальность субъекта, его представленность, но и его «нахождение» в фокусе предикации, его логическое или эмоциональное выделение.

Заместительная и акцентирующая функции связки определяются требованиями связности и прагматики. Формальное дублирование подлежащего не является необходимым для построения грамматического каркаса высказывания (исключая фразеологизированные конструкции *Жизнь это жизнь*), а происходит в интересах адресанта и адресата, позволяя вернуться к предтексту, акцентировать тему (неслучайна активность этого слова в разговорной речи). Значительно повышает возможность использовать частицу-связку *это* распространение подлежащего, его структурное осложнение: *А разве то, что мы живём в городе, в духоте, в тесноте, пишем ненужные бумаги, играем в винт, – разве это не футляр!* (А. Чехов). Частица помогает сфокусировать высказывание, служит средством расчленения и координации темы и ремы: *Но что было всего прекрасней в ней – это ласковость, которая исходила из неё так же просто, как свет и тепло из солнца* (А. Куприн). Связка *это* одновременно и разделяет и соединяет составы подлежащего и сказуемого.

Таким образом, слово *это* в позиции связки обнаруживает признаки и местоимения, и служебного слова. Возвращаясь к вопросу о грамматическом статусе связки *это*, заметим, что трактовка данного слова в позиции между подлежащим и сказуемым как частицы-связки в большей степени отражает функцию словесного знака в высказывании, а не его грамматический (морфологический) статус. Служебная функция этого слова мотивирована связью с местоименным классом слов. Совмещая признаки слов разных классов, связка *это* выступает как показатель связи главных членов предложения, связи высказывания с действительностью, определённости предмета суждения в понятийном пространстве говорящего, маркера сказуемого, а также как средство расчленения темы и ремы.

Литература

1. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка [Текст] / К. Бюлер. – М. : Прогресс, 2000. – 528 с.
2. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В.В. Виноградов. – М. ; Л. : Учпедгиз, 1947. – 783 с.
3. Николаева, Т.М. От звука к тексту [Текст] / Т.М. Николаева. – М. : Языки славянской культуры, 2000. – 680 с.
4. Падучева, Е.В. Местоимение ЭТО с предметным антецедентом [Текст] / Е.В. Падучева // Проблемы структурной лингвистики. – 1979. – М. : Наука, 1981. – С. 72 – 88.
5. Русская грамматика : в 2 т. [Текст] / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980. – Т. 2.
6. Чеснокова, Л.Д. О синтаксической функции связки [Текст] / Л.Д. Чеснокова // Филологические этюды. – Вып. 2 : Языкознание. – Ростов-на-Дону, 1976. – С. 156 – 163.
7. Шведова, Н.Ю. Местоимение и смысл : Класс русский местоимений и открываемые ими смысловые пространства [Текст] / Н.Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1998. – 176 с.
8. Шмелев, А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность [Текст] / А.Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.